

Никита Свикуль

Раз в год

Кастрюля

Из заставленного коробками коридора выбежал дед Петя. Бежать так, как бежал он в свои восемьдесят девять, — не каждый может. Торопился дед Петя к своему соседу Лёше.

Зашёл через калитку, разогнал палкой кур с утками и ею же постучал в дверь. Послышались шаги, хлопки дверьми, и вскоре на пороге появился Лёша. С заспанным лицом, в рабочих штанах и с голым торсом, бóльшую часть которого занимало добротное пузо, он стоял и внимательно рассматривал соседа.

— Что у тебя с лицом, Кузьмич? — спросил он. — Опять выпил?

На сухом морщинистом лице проступали мелкие красные пятна.

— Воры у меня побывали, — отдышавшись, сказал дед Петя, — обокрали меня!

— Какие ещё воры?! — возмущённо сказал Лёша. — Бывали у тебя уже один раз воры, до сих пор вон один по дому ходит, хвостом виляет.

Лёша надел тапки, спустился во двор и принялся загонять кур и уток в сарай.

— А куда тогда моя кастрюля пропала, раз не воры? — Какая ещё, к чёрту, кастрюля?! — донеслось из сарая.

— Ну, большая такая, двадцатилитровая, я её в кладовке внизу хранил. А сегодня посмотрел — нету. Воры побывали, говорю же!

Лёша вышел из сарая и, облокотившись одной рукой на дверь, начал:

— Кузьмич, вот как ты достал уже, а! Скажи ты мне: зачем тебе эта кастрюля сдалась?! Ты что в ней делать собрался?

Дед Петя только успел открыть рот, как Лёша продолжил:

— Шура отдала твою кастрюлю Кате.

— Как Кате?! — оторопел дед Петя. — Ну, я ей щас покажу.

Дед Петя подорвался и заспешил к выходу, бормоча что-то себе под нос. Лёша только развёл руками и зашёл обратно в сарай.

Так же быстро, как уходил, дед Петя вернулся домой. Взял телефон со стола, нажал на единицу и стал ждать. Послышались гудки и после — женский голос:

— Алло!

— Шура?

— Да, пап. Что-то случилось?

— Зачем ты отдала мою кастрюлю Кате? Молчание.

— Ну чего молчишь?

— Пап, — тяжело вздохнула дочь, — ну вот как тебе не стыдно, скажи мне? Ты живёшь один, тебе эта кастрюля не нужна.

— Но она же моя!

— Я отдала её Кате, ей нужнее. У неё хозяйство большое, поросёнок. Ей пригодится, а тебе она на что сдалась?

Не дождавшись ответа, она продолжила:

— Постыдился бы. Катя за тобой ухаживает. В магазин ходит, по счетам платит, убирается, готовит, присматривает за тобой. А ты... кастрюля тебе понадобилась... Переполошил весь посёлок, как всегда.

Дед Петя долго молчал.

— Алло!

Молчание.

— Папа?

— Да, я что-то переборщил.

— Ладно, ничего. Я ей позвоню. Как твоя рука сегодня?

Дед Петя сжал и разжал кисть.

— Вроде получше.

— Ну, разрабатывай, разрабатывай.

— Хорошо.

— Пап, осталось немного. Скоро найдутся покупатели, и я заберу тебя. До зимы точно будешь в Москве.

— Может, до Нового года оставим? Я ещё ничего.

— Прошу, не начинай по новой. Лучше скажи: тебе всего там хватает?

— Да, спасибо.

— Смотри не пей, даже ни капли. Катя будет следить.

— Хорошо.

— Ладно, давай, пап, пойду щас позвоню Кате.

— Пока.

Дед Петя положил телефон и просидел где-то с полчаса, просто глядя в окно. День таял. Небо покрывалось лёгкой розовой пудрой. По кольям забора акробатически перебирал лапами кот. Лёша поливал из шланга грядки.

— Да уж, — вслух сказал дед Петя, взяв из холодильника шоколадку и вышел из дома.

Уже никуда не спеша, как самый прилежный старик, он пошёл в сторону Катиного дома. Катя увидела его из-за поворота и уже шла навстречу. — Кузьмич, ты чего? Мне Шура уже позвонила. — Да я вот как-то сам решил прийти извиниться, — сказал дед Петя и достал из кармана шоколадку. — Не надо мне тут твои шоколадки, пошли в дом, — ответила Катя, взяв его под руку. — Пошли, пошли, что ты еле идёшь?

Когда на столе стояли две дымящиеся кружки, а кухню освещала янтарно-жёлтым светом лампочка — за окном совсем стемнело. Бились о стекло редкие мошки, подвывал от тоски Катин пёс. — Ну а с хозяйством как? — спросил дед Петя, показав на свою кастрюлю, стоявшую на плите. — Кастрюлька хороша, в самый раз.

Катя приподняла крышку, и из кастрюли поднялось облако пара.

— Это Ваське моему, пусть остывает.

— Ваське?

— Да, поросёнку.

— Сто лет у меня без дела пролежала, — виновато сказал дед Петя. — Ты уж прости меня.

Катя отмахнулась.

— Тебе-то всего пока хватает? В магазин не надо?

— Да, Шура много тогда на юбилей привезла.

Катя расплылась в улыбке:

— Кузьмич, ну какой юбилей? Тебе восемьдесят девять исполнилось. В следующем году юбилей у тебя!

— Не-ет, — ухмыльнулся дед Петя, — в моём возрасте каждый год — юбилей!

Раз в год

Новогодний рассказ

Илья, выпускник педиатрического факультета, шёл поздравлять бабушку неохотно. Раз в год он получал от мамы подарочный пакет и смиренно шагал дворами через весь район. На этот раз содержимое пакета было ещё скромнее, чем год назад: коробка конфет и... шоколадка. Илье даже стало как-то не по себе. Он забежал в магазин через дорогу и купил коробку чая.

На улице было серо. Снег, накопившийся за выходные по бокам дорог, растекался по улицам. Под ногами хлюпало.

— Внук! — крикнул в домофон Илья.

— Внук? — удивлённо переспросили. — Ах, Ильяша, проходи.

В квартире его встретила маленькая, худая, с редкими седыми волосами, бабушка.

— Ильяша, — начала она, — какой же ты большой стал! Раздевайся, проходи.

— Бабушка, — Илья протянул ей пакет, — это тебе от всех нас. С наступающим!

Бабушка улыбнулась и поставила пакет на стул.

— Прходи, не разувайся.

Илья даже не стал спорить и прошёл в мокрых ботинках в комнату.

С каждым годом комната становилась меньше. Некоторые предметы уменьшались или исчезали, а другие — такие как стол, полный лекарств, или диван, заваленный подушками, — становились больше, занимая почти всё место в комнате.

Илья провалился в диван.

От всего пахло сухой застоявшейся пылью и корвалолом.

— Лариса, — донеслось с кухни.

— Ну чего тебе? — крикнула бабушка.

— Дай мне с Ильёй поговорить.

В комнату зашёл высокий тощий старик.

— Здравствуйте, Андрей Афанасьевич.

— Говори громче, — сказала бабушка, — он совсем слышать перестал.

Илья сказал громче.

— А, привет, привет.

Говорил Андрей Афанасьевич хрипло, тяжело, словно в гортани ему что-то мешало. В руках он держал грязную ложку.

— Ты, — он поперхнулся, — прочёл брошюру, которую я тебе в прошлый раз давал?

— Дай ты мне с внуком поговорить! — перебила его бабушка. — Мой внук, не твой.

На стене, рядом со шкафом, висел знакомый Илье портрет. На нём был изображён мужчина, похожий чем-то на лысого Блока. Это, насколько помнил Илья, был отец бабушки.

— Щас я с ним немного поговорю, — хрипел Андрей Афанасьевич, — а потом ты будешь болтать сколько захочешь.

Илья вспомнил, что год назад было ровно наоборот: сначала с ним разговаривала бабушка, а только потом Андрей Афанасьевич.

— Иди на кухню, дай нам об умных вещах поговорить. Нечего тебе такое слушать.

— Дурак старый, — тихо сказала бабушка, взяла у него из рук ложку и вышла из комнаты.

— То, что мы с тобой читаем, — сказал Андрей Афанасьевич, показав на стопку книг на полу, — им, — он затряс пальцем, — никогда не понять!

Лысый Блок смотрел со стены взглядом, полным возмущения.

— Ну так что, читал ты брошюру, что я тебе давал?

Илья припомнил, что год назад Андрей Афанасьевич дал ему тоненькую книжку с изображением каких-то индийских людей в золотых украшениях. Он тогда повертел её в руках и тут же, пока Андрей Афанасьевич не видел, незаметно засунул между книжками на полу. Илья присмотрелся и нашёл уголок этой брошюры, торчащий там же, между книг, где он её и оставил.

— Да, конечно, прочёл, — соврал Илья.

— И что ты понял?

— Ну, это было интересно,— начал импровизировать Илья.— Я, конечно, не сторонник всего этого,— он окинул взглядом комнату,— но для общего развития— было полезно прочесть.

— Во-от!— обрадовался Андрей Афанасьевич.— Для общего развития! Как же мы мало знаем о нашем мире! А то, что находится за его пределами, а?

Илья посмотрел под ноги. Снег на ботинках растаял, и на ковре вырисовывалось тёмное пятно.— Нам нужно вырваться из круга перерождений и оказаться в Голоче, понимаешь? Мы не знаем, кем мы были в прошлой жизни. Коровой там или червячком, букашкой или человеком, это не важно. Важно то, что если мы до сих пор здесь, значит, в прошлой жизни мы что-то сделали не так и были наказаны.

Илья попытался представить себя коровой, которая в своей жизни где-то свернула не туда.

— Тебя,— Андрей Афанасьевич показал пальцем на Илью,— есть все шансы закончить своё путешествие на земле в этой жизни!

Так продолжалось ещё достаточно долго. Андрей Афанасьевич восторженно, надрывая связи, говорил о земном перерождении и прочих сопутствующих вещах, а Илья, как и любой порядочный человек, терпеливо ждал, пока собеседник закончит говорить. Через какое-то время Андрей Афанасьевич начал приподниматься, качаться из стороны в сторону, подводить разговор к логическому концу, но потом вновь цеплялся за край своих сухих мыслей и хриплым голосом продолжал:— И все наши привычки, страсти, поведение,— он раскинул руки насколько мог,— всё это... из прошлых жизней. Мы их не помним, но след они оставляют.

Илья чуть не засмеялся, представив себя опять коровой, полной страстей.

— Давай уже заканчивай,— крикнула бабушка, войдя в комнату,— тебе ещё на рынок идти!

— Да, Лариса, сейчас,— отрезал Андрей Афанасьевич.— Я просто хочу,— обратился он к Илье,— чтобы ты знал и понимал, что мы не просто так живём на земле и что всё это,— он опять раскинул руки,— есть великий замысел Кришны.

Илья кивнул и, намекая на завершение беседы, протянул Андрею Афанасьевичу руку.

— Дать тебе что-то почитать?— пожимая руку, спросил он.

— Нет, нет, спасибо. Мне есть что сейчас читать,— ответил Илья.

— И что же ты читаешь?

Илья посмотрел на портрет.

— Блока. Стихи.

— А-а,— одобритительно кивнул Андрей Афанасьевич,— поэзия— это одно из...

— Давай уже, а то рынок закроется,— перебила его бабушка, направляя к выходу.

Андрей Афанасьевич заторопился, но то и дело останавливался, пытаясь что-то припомнить. Даже поднимал палец вверх, точно сейчас произнесёт что-то важное, но, кроме поперхиваний, Илья ничего не услышал.

— Совсем он тебе голову задурил, Ильюша,— шёпотом сказала бабушка, присаживаясь рядом.

— Да нет,— смущённо ответил Илья.

В руках бабушка держала картонную вырезку, на которой чёрным маркером были написаны названия лекарств.

— Сплю я плохо, Ильюша,— начала жаловаться она,— послю четыре часа— и то хорошо.

Илья читал список лекарств на картонке. Из всего перечня он сумел увидеть только один единственный препарат, который знал: «Атенолол»— бета-блокатор. Все остальные лекарства были сплошной гомеопатией со смешными маркетинговыми названиями. Сухим пальцем бабушка водила по названиям и на каких-то останавливалась, спрашивая:

— А вот это хорошее лекарство?

— Я... я не знаю, я же не взрослый врач... педиатр.

— Ах, ну да, да,— как бы припоминая, сказала бабушка,— ты же с детьми.

— Ну а вот это,— она показала на какую-то то ли «Спирулину», то ли «Сопрулину»,— знаешь?

— Нет.

— А мне он так хорошо помогает!

— Это хорошо.

— Аватары же не просто так появляются на земле!— донеслось из прихожей.

В дверях показался, в ушанке и потёртой зелёной куртке, Андрей Афанасьевич.

— Они приходят, чтобы показать нам, как нужно жить, чтобы быть в самом конце вместе с Кришной. Да и то, что сейчас происходит с миром,— он начал перечислять различные катаклизмы,— не просто так! Это наказание нам за нашу бестолковую жизнь!

— Иди уже,— крикнула бабушка,— опоздаешь!

Андрей Афанасьевич одёрнулся, что-то пробубнил и вышел. Бабушка с облегчением выдохнула, махнула рукой и продолжила:

— Сплю плохо. Бывает, в десять усну, а проснусь в три и хожу до утра.

— Из-за недостатка физической активности организм не успевает уставать,— объяснял Илья,— отсюда такой короткий сон. Все старые люди мало спят.

— Да откуда взять эту активность, Ильюша? Сил нет ни на что. Вот,— она показала на ряд стульев, заваленных одеждой,— вытащила все вещи из шкафа— перебрать. Уже неделю так лежат, руки не доходят.

Илья представил, что когда-нибудь эти стулья оживут и, одетые, сбегут из этой квартиры, тихо перебирая скрипящими ножками.

Бабушка продолжала разговор о лекарствах, и Илью в какой-то момент даже начало это веселить. Он с удовольствием брал со стола бесполезные препараты и вертел их в руках.

— А вот это,—бабушка приободрилась и буквально скакала вокруг стола с лекарствами,—мне Изерская посоветовала.

Илья взял в руки стопку пластинок, перемотанную резинкой, и, не прочитав названия, сказал:

— Хорошие, да.

— А вот эти,—говорила бабушка, как бы хвастаясь,—последние в аптеке были. Дороги-ие—ужас. — Вон как,—подыгрывал Илья,—неплохо, неплохо.

Вдруг за окном раздались хлопки. Стекло сквозь узорчатый тюль празднично заиграло красками. Илья подошёл к окну. Уже вечернее тёмно-синее небо сверкало красными, зелёными и золотыми искрами. Разноцветные огни разлетались в разные стороны, рисуя круги. В парке, на деревьях, висели золотые гирлянды, а из-за угла был даже виден кусочек ёлки на центральной площади. Только сейчас Илья вспомнил про Новый год. Мангал с шашлыками во дворе, музыка, дети с хлопушками, шипящий бокал в руках, сладкие

мандарины— всё это вдруг стало для него таким близким и нужным, что он как никогда захотел побыстрее уйти отсюда.

— Я, наверное, пойду уже.

— Конечно, конечно, Ильюша,—залепетала бабушка, держа в руках стопку таблеток.

Хлопки продолжались. Тусклая комната точно одёрнулась от таких ярких цветов и сжалась ещё больше. Илья быстро накинул куртку и уже стоял у порога.

— Возьми,—сказала бабушка, протягивая ему деньги,—подсластишь себе жизнь.

— Спасибо,—ответил Илья и незаметно подсунул купюру под стопку лекарств.—С наступающим.

— Как там мама?—спросила бабушка.

— Да ничего вроде, хорошо.

— Главное, чтобы все здоровы были. Ну ладно, с наступающим вас тоже всех там, передай.

С неба падали крупные хлопья снега и сразу же таяли. На улицах никого уже не было, но повсюду слышались свисты и хлопки, которые, казалось, происходят сами по себе. Вдалеке Илья заметил длинный, тонкий силуэт Андрея Афанасьевича и свернул в арку.